

DOI 10.18522/2500-3224-2024-1-226-242

УДК 94(47).073

«ОСОБЕННО ЗАТРАГИВАЛ МЕНЯ СЛУХ О КАКОМ-ТО БОЛЬШОМ СКЛАДЕ СТАРЫХ ДЕЛ НА МЕСТЕ УПРАЗДНЕННОЙ КРЕПОСТИ СВ. ДМИТРИЯ РОСТОВСКОГО». ИЗ ЗАПИСКИ И.Д. ПОПКО ОБ АРХИВАХ НА ДОНУ И В АСТРАХАНИ, 1875 г.¹

Колосовская Татьяна Александровна

Северо-Кавказский федеральный университет,

Ставрополь, Россия

tkolosovskaia@ncfu.ru

Аннотация. Проблема выявления и сохранения исторических источников в контексте производства знания о кавказской окраине Российской империи относится к числу активно разрабатываемых в современной историографии. Особое место в ней отводится положению архивных учреждений на местах, анализу их материалов и роли имперской администрации в обеспечении их сохранности. Ценным документом, позволяющим пролить свет на указанную проблему, является «Записка об архивах на Дону и в Астрахани по отношению к кавказской историографии». Она была составлена осенью 1875 г. генерал-майором И.Д. Попко в рамках выполняемого им задания по подготовке истории казачества на Северном Кавказе. Ее содержание включает характеристику военных архивов Ростова-на-Дону, Астрахани и Новочеркасска. Оригинал «Записки...» хранится в настоящее время в Государственном архиве Ставропольского края. Документ представляет собой важный источник сведений как о состоянии архивного дела на Юге России в последней четверти XIX в., так и об особенностях осуществления исследовательских практик в российской провинции позднеимперского периода. В настоящую публикацию вошли введение и первая часть записки, показывающие причины архивных изысканий И.Д. Попко, а также состав и условия хранения дел в архиве бывшей крепости Св. Дмитрия Ростовского (так называемый Ростовский военный архив).

Ключевые слова: Российская империя, историческое кавказоведение, источники, архивное дело, крепость Св. Дмитрия Ростовского, Ростовский военный архив, И.Д. Попко.

---

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00302, <https://rscf.ru/project/23-28-00302>.

“I WAS ESPECIALLY AFFECTED BY A RUMOR ABOUT SOME LARGE WAREHOUSE OF OLD CASES AT THE SITE OF THE ABOLISHED FORTRESS OF ST. DMITRY ROSTOVSKY.” FROM THE I.D. POPKO’S NOTE ON THE ARCHIVES ON DON AND ASTRAKHAN, 1875¹

Kolosovskaya Tatiana A.

North Caucasus Federal University,
Stavropol, Russia
tkolosovskaia@ncfu.ru

Abstract. The problem of historical sources preserving in the context of producing knowledge about the Caucasian outskirts of the Russian Empire is actively developing in modern historiography. A special place in it is given to the position of local archival institutions, the analysis of their materials and the role of the imperial administration in ensuring their safety. The “Note on the archives on Don and Astrakhan” is a valuable document that sheds some light on this problem in relation to Caucasian historiography. Major General I.D. Popko wrote it as a part of his assignment to prepare the history of the Cossacks in the North Caucasus, in autumn, 1875. Its content includes characteristics of the military archives of Rostov-on-Don, Astrakhan and Novocherkassk. The original note is currently stored in the State Archive of the Stavropol Krai. The document is an important source of information about the archival works in the south of Russia in the last quarter of the 19th century and the peculiarities of research practices in the Russian provinces of the late imperial period. The current publication includes an introduction and the first part of the Note focused on the reasons for the I.D. Popko archival research, as well as the composition and conditions of storage of files in the archive of the former fortress of St. Dmitry of Rostov (the so-called Rostov military archive).

Keywords: Russian Empire, the Historical branch of the Caucasus studies, primary sources, archiving, the fortress of St. Dmitry of Rostov, the Rostov Military Archive, I.D. Popko.

Цитирование: Колосовская Т.А. «Особенно затрагивал меня слух о каком-то большом складе старых дел на месте упраздненной крепости Св. Дмитрия Ростовского». Из записки И.Д. Попко об архивах на Дону и в Астрахани, 1875 г. // Новое прошлое / The New Past. 2024. № 1. С. 226–242. DOI 10.18522/2500-3224-2024-1-226-242 / Kolosovskaya T.A. “I Was Especially Affected by a Rumor about Some Large Warehouse of Old Cases at the Site of the Abolished Fortress of St. Dmitry Rostovsky.” From the I.D. Popko’s Note on the Archives on Don and Astrakhan, 1875, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2024. No. 1. Pp. 226–242. DOI 10.18522/2500-3224-2024-1-226-242.

© Колосовская Т.А., 2024

¹ The study has been funded by the Russian Science Foundation, № 23-28-00302, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00302>.

Одной из актуальных тем современной историографии является проблема формирования и сохранения источниковой базы исторического кавказоведения в условиях Российской империи. Ее отдельным направлением стала история развития архивного дела на Юге России в позднеимперский период, который известным архивистом Д.Я. Самоквасовым был назван временем «архивного нестроения». Неустроенность архивных учреждений особенно ощущалась в российской провинции. Отсутствие строгой системы учета и описания архивных документов приводило к тому, что они превращались в груды беспорядочно сваленных и бесполезных для науки бумаг [Хорхордина, 2003, с. 206].

В связи с этим особенно важно выяснить, кем, с какой целью и в каких условиях осуществлялось выявление документальных материалов, образовавших в конечном итоге источниковую базу имперского нарратива о Кавказе. Научная значимость такой постановки проблемы определяется еще и тем, что богатые эмпирическими данными работы историков досоветского периода до сих пор оказывают влияние на предметное поле современного кавказоведения. Пролить свет на обозначенную проблему могут свидетельства тех, кто непосредственно был причастен к осуществлению архивных изысканий.

Одним из таких исследователей был Иван Диомидович Попко (1819–1893) — известный военный и общественный деятель Российской империи, чье имя заслуженно закрепилось в пантеоне историков северокавказского казачества. Он был выходцем из казачьей среды, уроженцем ст. Тимашевской на р. Кубани. Получив религиозное образование (учился в Московской духовной академии), в 1841 г. Попко оставил духовное поприще и поступил рядовым казаком в Черноморское войско. Он служил письмоводителем в войсковой канцелярии, принимал участие в событиях Кавказской и Крымской войн, в дальнейшем входил в состав комиссий при Главном управлении иррегулярных войск по разработке новых казачьих положений.

Попко относился к тем российским военным, которые успешно сочетали службу с исследовательской деятельностью. Сфера его научных интересов была связана с историей и культурой казачества на Северном Кавказе. В 1858 г. в г. Санкт-Петербурге он опубликовал книгу о черноморских казаках, получившую положительные отклики современников. Отдельные свои статьи и заметки различной тематики Попко отправлял в редакции известных военных периодических изданий: «Русский инвалид» и «Военный сборник» [Колосовская, Ткаченко, 2021, с. 198–199].

В начале 1870-х гг., когда уже в чине генерал-майора Иван Диомидович состоял при наказном атамане Кубанского казачьего войска, он решил изменить свое служебное положение и всецело посвятить себя историческим исследованиям. В обращении на имя начальника штаба Кавказского военного округа А.П. Свистунова Попко предложил разработать историю появления и развития казаков на Кавказе на фоне постепенного освоения Российской империей своей новой окраины. У Попко не было профессионального исторического образования. Тем не менее он строго придерживался положения о том, что историческое исследование должно

основываться на фактах, извлекаемых из исторических источников, поэтому понимал важность архивных изысканий. Собрать необходимые сведения Попко планировал немедленно, как он сам подчеркивал, «пока архивы не сделались добычей пожара или тления» [ГАСК, ф. 377, оп. 1, д. 28, л. 23об.].

Инициатива Попко была поддержана кавказской военной администрацией. Исследования, знакомявшие русское общество с присоединением Кавказа к России, показывающие, благодаря кому и какой ценой это было достигнуто, были в то время весьма востребованы. В мае 1874 г. Попко получил разрешение главнокомандующего Кавказской армией великого князя Михаила Николаевича на работу в местных правительственных архивах и выявление в них документов необходимых для подготовки истории казачества на Кавказе [ГАСК, ф. 377, оп. 1, д. 10, л. 26].

Сначала свои усилия Попко сосредоточил на изучении материалов архива бывшего штаба войск Кавказской линии и Черномории, располагавшегося в г. Ставрополе. По объему хранившихся там документов он был крупнейшим на Северном Кавказе [«Небрежное отношение...», 2003]. После изысканий, проведенных в этом архиве, во второй половине июля 1875 г. Иван Диомидович отправился в «архивную рекогносцировку» на Дон и в Астрахань.

О ходе поездки и о состоянии находящихся здесь архивов свидетельствует отложившаяся в Государственном архиве Ставропольского края, в личном фонде исследователя, «Записка об архивах на Дону и в Астрахани по отношению к кавказской историографии» [ГАСК, ф. 377, оп. 1, д. 31, л. 1–26]. Документ представляет собой канцелярскую рукопись на 26 листах с оборотами, скрепленную собственноручной подписью Попко. Датируется документ 8 ноября 1875 г., место написания — г. Ставрополь.

«Записка...» имеет четкую структуру и состоит из введения, трех разделов и приложений. В вводной части Попко кратко объясняет причины, которые побудили его к проведению архивных изысканий. В первом разделе автор дает подробную характеристику состояния и состава документов военного архива при Ростовском складе артиллерийских орудий и снарядов [ГАСК, ф. 377, оп. 1, д. 31, л. 1–10]. Вторая часть документа включает сюжеты, повествующие о переезде Попко из Ростова-на-Дону в Астрахань и о положении дел в Астраханских архивах [ГАСК, ф. 377, оп. 1, д. 31, л. 11–20]. В заключительном разделе исследователь повествует о пребывании в г. Новочеркасске, осмотре местных достопримечательностей и дает подробную характеристику содержания и условий хранения дел в местном войсковом архиве [ГАСК, ф. 377, оп. 1, д. 31, л. 21–25]. В приложение Попко включил подготовленные им рукописные копии двух документов 1726 г., которые позволяют понять, с какого рода материалами пришлось ему столкнуться в Ростовском военном архиве [ГАСК, ф. 377, оп. 1, д. 31, л. 26–26об.].

«Записка...» Попко — это не просто отчет о проделанной работе: в ней прослеживаются черты травелога. Написанная в публицистическом жанре, она включает

характеристику событий и встреч с людьми, которые происходили во время путешествия. Авторский стиль Попко уникален. Текст полон фразеологизмов и крылатых латинских выражений, которые делают его ярким, образным и неповторимым.

При этом основное содержание документа посвящено описанию положения местных архивов, их состава и содержания, условий хранения и порядка использования документов. Отдельно Попко останавливается на характеристике тех исторических сюжетов, которые могли бы привлечь будущих историков как российской колонизации Кавказа в целом, так и истории отдельных военных подразделений, принимавших в этом участие.

Помимо состояния местных архивных учреждений Попко поднимает широкий круг вопросов историософского характера. В «Записке...» нашли отражение рассуждения автора о социальных функциях истории, ее роли в формировании самосознания казаков. Одновременно историк убедительно доказывает важность архивных документов как репрезентативных источников, без которых невозможна объективная реконструкция прошлого. Тезис историка о том, что власти и обществу необходимо заботиться о сохранности архивов, квинтэссенцией звучит в заключительных строках «Записки...»: «...Заброшенные эти памятники [архивные документы. — Т.К.], как носители мысли и слова предков, и из глубины своего плачевного унижения говорят с беспощадным укором: мы корни дерева, с которого вы любите срывать ветки и сплетать себе пышные венки» [ГАСК, ф. 377, оп. 1, д. 31, л. 25об].

Осуществляя архивные исследования, И.Д. Попко не ставил перед собой задачи полного разбора дел местных архивов, поскольку его усилия были направлены на другое, а именно создание большого нарратива о казачестве на Северном Кавказе. Тем не менее итоги его «архивных рекогносцировок» убеждали военную администрацию в необходимости принятия немедленных мер по спасению архивных документов на местах.

В 1876 г., с разрешения Военного министерства, документы архива упраздненной крепости Св. Дмитрия Ростовского были перевезены на хранение в Ставропольский военный архив [Стефанов, 2010, с. 103]. Здесь они были детально изучены И.Д. Попко и дополнили корпус источников, задействованных им в его историческом труде. К юбилейным торжествам, приуроченным к празднованию 300-летия Терского казачьего войска, вышел в свет первый выпуск его работы «Терские казаки со стародавних времен. Гребенское войско» (СПб., 1880). В опубликованном сочинении была представлена история одного из 10 полков, входивших в состав Терского казачьего войска — Гребенского.

Дальнейшая судьба документов Ростовского военного архива доподлинно не известна. Возможно, что после разбора дел Ставропольского военного архива вместе с другими документами они были перевезены во Владикавказ, а оттуда, по инициативе военного историка С.С. Эсадзе, переданы в архив штаба Кавказского военного округа [Стефанов, 2010, с. 104].

Из-за большого объема документа в настоящую публикацию вошли введение и первая часть «Записки...». При передаче текста он был разбит на абзацы, орфография и грамматика приведены в соответствие с современными нормами русского языка. Сохранены встречающиеся в тексте авторские примечания, которые вынесены в подстрочные сноски.

Документ публикуется впервые и представляет собой важный источник сведений как о состоянии архивного дела на юге России в последней четверти XIX в., так и об особенностях осуществления исследовательских практик в российской провинции поздней имперского периода.

ИЗ «ЗАПИСКИ ОБ АРХИВАХ НА ДОНУ И В АСТРАХАНИ ПО ОТНОШЕНИЮ К КАВКАЗСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ»

//Л. 1.

Приступая к разбору военного архива в Ставрополе, я прежде всего имел в виду найти здесь если и не богатый, то и не совсем скудный запас исторического материала для возможно обстоятельного и отчетливого изображения первоначальной колонизации Северного Кавказа в прошлом столетии. Но чем дальше подвигалась моя работа, которую смогу сравнить только с работой землекопа, угрюмо и медленно ищущего клада, тем яснее становилось для меня, что несмотря на обширность этого центрального хранилища старых дел Кавказской линии^[1], или, лучше, Кавказских линий, цель моих исследований не будет здесь даже и в половину достигнута. Тогда стал я думать, что не лишним делом было бы учинить поиск в тех соседних местностях, откуда начиналась кавказская колонизация и где долгое время были ее опорные пункты. Особенно затрагивал меня слух о каком-то большом складе старых дел на месте упраздненной крепости Св. Дмитрия Ростовского^[2], от которого наш кавказский Гамбург — город

//Л. 1об.

Ростов-на-Дону получил свое начало и имя. Затем, само собою разумеется, внимание мое остановилось на архивах Войска Донского и губернии Астраханской, отношения которых к прикавказскому краю^[3], в первый период его занятия, всем, кажется, известны.

Когда виды мои на эти заграничные, так сказать, древлехранилища были мною высказаны генерал-адъютанту Александру Павловичу Свистунову^[4] и вследствие одобрения их были написаны подлежащим ведомством приличные случаю пред-уведомления, мне оставалось только выбрать удобное время, чтобы осязательно дознаться то, о чем думалось и гадалось. Для этого предпринял я, в половине июля настоящего года^[5], экскурсию на Дон и в Астрахань.

По неоконченности моих работ в Ставрополе, я должен был задаться возможно коротким сроком, предположив ограничиться на этот раз лишь беглым обозрением архивов в упомянутых местностях и поверхностным ознакомлением с ними, так как до управки со своими кавказскими архивами считал для себя достаточным найти там, хотя короткий, ответ на занимавший меня вопрос: чего же еще от тех соседних источниковохранилищ ожидать можно? Рекогносцировка эта оторвала меня от оседлых, так сказать, занятий моих на два месяца, но я не жалею о

//Л. 2.

потраченном времени, а напротив, даже и теперь радостно мне вспомнить ту добрую минуту, когда, среди шумного движения торгового города, на глубине отслужившего свою гарнизонную службу порохового погреба, я мог сказать мое «эврика», — нашел искомый археографический клад, с которого и начну настоящий мой отчет.

//Л. 2об.

О военном архиве при Ростовском складе артиллерийских орудий и снарядов

Крепость Св. Дмитрия Ростовского, построенная полковником Ригельманом^[6] в половине прошлого столетия и именем нашего отечественного святого названная по указу императрицы Елизаветы Петровны от 13 сентября 1761 года, составляла замечательный в свое время стратегический ключ позиций для действий наших против кубанских ногайских орд и закубанских адыгов, не говоря уже о запоздавших вторжением своим к нам монголах-калмыках. Своим счастливым местоположением, — конечно счастливым, когда от нее родился наш Гамбург¹, — она красноречиво доказывает, что в выборе опорных пунктов для боевых наших распрей с азиатскими народами, распрей, занимающих всю нашу историю, мы не имеем соперников. Обнесена была она высоким земляным валом, с каменной оградой, имела ворота каменные и занимала площадь до двух верст в окружности. Гарнизоны ее состояли из пехоты, драгун и казаков и были настолько сильны, что, не ограничиваясь одной обороной, могли

//Л. 3.

действовать более или менее наступательно в соседних ордынских степях, когда обстоятельства того требовали.

Упразднение Ростовской крепости последовало в тридцатых годах текущего столетия, когда уже другие, в одну с ней систему входившие, передовые крепости прошлого века: Азовская, Ейская, Таганрогская, Св. Анны, были разоружены и упразднены. Об обширности крепости Ростовской свидетельствует тот факт, что на занимаемом ею пространстве, перешедшем во владение богатого города

---

¹ Под ее же прикрытием возник и вырос другой торговый город, Нахичевань (примеч. автора).

Ростова, распланировано более пятисот дворовых мест под частные городские постройки, которые и растут с изумительной силой и быстротой. Город поглотил крепость. И когда вспомнишь при этом о фараоновых коровах, тощих и сытых^[7], то тут выйдет наоборот. Во всяком же случае, видя такую метаморфозу, приходится сказать, что если война разрушает сооружения мира, то и мир, в свою очередь, платит войне той же монетой.

Из многих крепостных зданий, распроданных на слом, остаются только церковь, госпиталь да два пороховых погреба, которые никому из граждан не нужны. Впрочем, статья может, что и их обратят в ренсковые погреба^[8], и тогда наступит последнее торжество мира над войной – воссядут бутылки на места бомб. В числе

//Л. Зоб.

последних проданных на слом крепостных построек был деревянный амбар, наполненный множеством старых письменных дел, собрание которых не представляло ничего похожего на архив в действительном значении этого слова. Это просто была куча старых документов, сваленных в беспорядке и обреченных на бесследное забвение: никаких описей и указателей им не было, никакой отчетности о них никем не требовалось и никто не был обязан за них отвечать.

Когда продажа приютившего их амбара совершалась в артиллерийском управлении Одесского военного округа, никто о них не вспомнил, и заведующему Ростовским артиллерийским складом офицеру было предписано только сдать кому следует проданную постройку, а куда девать хранившиеся в ней памятники служебной письменности, о том ни слова не было сказано. Офицер уже сам придумал сложить их, потеснив артиллерийское имущество, в одном из упомянутых выше пороховых погребов, называемом «донским», куда заброшенное достояние истории и было перевезено на единственной артельной лошадке местной артиллерийской команды. Вот уж что называется – *sic transit gloria mundi*¹. Это было не так еще давно, в 1873 году.

//Л. 4.

Событие это совпало со следующим распоряжением. По известной программе, составленной при Министерстве народного просвещения^[9], в том же, если не ошибаюсь, 1873 году, затребованы были повсеместно сведения о состоянии архивов в разных ведомствах, в том числе и в военном. Случилось, что циркуляр или приказ по этому предмету достиг и до Ростовского артиллерийского склада. Заведующий оным подполковник Варнаховский дал предписание единственному делопроизводителю небольшой своей канцелярии, надворному советнику Иванову разобрать архив, обременявший амбар, готовый исчезнуть с лица земли, и отделить дела, не заслуживающие хранения, чтобы меньше было перевозки из амбара в погреб.

---

¹ «Так проходит мирская слава» (лат.).

Чиновник Иванов начал разбор, как и следовало, сверху вниз, то есть от новейших времен к древнейшим, и когда дошел таким образом до 1799 года, то, убоясь глубины примудрости, возвратился вспять, а именно отрапортовался невозможностью дальнейшего разбирательства, так как для этого — излагал он в своем рапорте от 15 мая 1873 года № 4 — «надо прежде ознакомиться с старым почерком и усвоить употреблявшиеся тогда выражения, а без этого разбор невозможен». Так как против этой очевидной истины возражать было нечего, то дело разбора на том и остановилось.

//Л. 4об.

Однако же и то, что было уже сделано, принесло желаемый плод: до разбора было в амбаре весом 641 пуд письменных дел и после разбора осталось 258 пудов. Приговорено к уничтожению и продано по правилам с аукционного торга 383 пуда, а счетом, если верить, 745 дел. Судя по весу, должно бы, кажется, быть их больше. Впрочем, по расстроенному состоянию дел и по отсутствию описей, вести точный счет имуществу подобного рода не совсем удобно. Как бы то ни было, но в настоящее время уцелевших от официального уничтожения, наполняющих стеллажи порохового погреба и налично существующих старых дел можно считать не менее 1500. Несколько слов об их хранилище.

Погреб под наименованием «донской», в сравнении с которым пороховые погреба недавних наших полевых укреплений можно назвать лачугами, состоит из двух этажей. Дела сложены в верхнем, совершенно свободном от сырости, этаже на прочно устроенных полках (стеллажах), в соседстве с разным старым хламом артиллерийского ведомства. Свод и стены здания каменные, пол деревянный. Свет проходит через единственное окошко, обращенное на восток; оно заделано железной решеткой и, сверх того,

//Л. 5.

защищено еще железной ставней. Двери также железные. Вообще, так хранят только порох да деньги, и как ни необычно подобное помещение для письменных дел, но надо согласиться, что оно для них удобно. Да притом же бумага всё терпит. Можно разве указать на один только недостаток: это скудость освещения, так что исследователю рукописной старины не представляется возможности заниматься рассмотрением поблекших фолиантов в самом их, так сказать, саркофаге, а надобно куда-нибудь с ними деваться, где бы божьего света было больше.

*Nabent sua fata libelli*¹ — сказано было когда-то о книжках, в том смысле, конечно, что не всем им доля одинакова. Тоже хотелось бы сказать и по поводу этих старых письменных дел, так странно попавших в хранилище огнестрельных припасов. Но важность не в помещении, а в самом их значении. Дела эти относятся по большей части к прошлому XVIII столетию и хронологически восходят к концу царствования

---

¹ «Книги имеют свою судьбу» (лат.).

императора Петра Великого — до 1722 года. Кроме крепости Св. Дмитрия [Ростовского. — Т.К.], здесь встречаются дела крепостей Св. Анны, Таганрогской, Азовской, Ейской, каких-то старинных

//Л. 5об.

«транжаментов»^[10] — их же имена сам, Господи, веси^[11], и даже позднейших фортов восточного берега Черного моря, как например: Навагинского, Сухум-Кальского, Св. Духа, а также провиантских магазинов^[12] Подпольного, Прочноокопского, Ростовской городской полиции и других учреждений.

По содержанию своему, весьма разнообразному¹, дела относятся до гарнизонных войск (мушкетерские полки Суздальский, Елецкий, драгунские Владимирский, Таганрогский, Донской казачий Быкалова и др.), до комендантских управлений, ведавших в свое время полицейской и вообще гражданской частями, до инженерного, армейского и других ведомств. Есть много дел инспекторских, провиантских, комиссариатских и вообще интендантских, больших объемов, с строевыми рапортами, именными списками, требовательными ведомостями и отчетами.

Ко всему этому можно бы отнести, с известной точки зрения, как к ненужному балласту. Но, если взять во внимание, что документы эти принадлежат к первой половине прошлого столетия, что в них встречаются формы, порядки, названия, распоряжения,

//Л. 6.

словом, такой строй или такая система войскового хозяйства, каких в наше время не существует, то и эти сухие, бесцветные документы заслуживали бы пощады от продажи с публичного торга на растерзание. По ним какой-нибудь просвещенный интендантский деятель воспроизведет прошлую жизнь своего ведомства, создаст любопытную и поучительную монографию по своей специальности, а составитель истории какого-либо полка, примером сказать — Суздальского пехотного или Владимирского драгунского, существующего уже под другим именем, найдет в них ценный материал для хозяйственного отдела своей работы.

Но пусть это будут мечты доброго человека, а вот что бесспорно и действительно представляет общий исторический интерес, составляет достояние историографии, это дела комендантские и многие другие, касающиеся всех сторон пограничной жизни в дальние годы прошлого столетия. В них, между прочим, живо рисуются отношения комендантов крепости Св. Анны, этого меча дамоклова^[13], висевшего над старым Черкасском, к донским войсковым властям, которые всякую свою отписку начинают так: «Мы, донские атаманы и казаки, войсковой атаман Андрей Лопатин

---

¹ Разнообразие или разносодержательность встречается нередко даже в одном и том же волюме (примеч. автора).

Волюм — устаревшее наименование книжного тома.

//Л. 6об.

и все войско донское, объявляем» — и точка, и за этим демократическим «объявлением» следует изложение бумаги, в конце которой ставится одна только дата, но никто ее не подписывает и никакого номера, а кольми паче¹ «рапорта» или «доношения», на ней не изображается, хотя комендантские бумаги и отзываются суровым тоном предписаний. Видно, как атаманы и казаки и все войско в одном лице Лопатина, прикрываясь анонимными начертаниями войскового писаря, хитрят и лукавят, — зипуны же у нас сермяжные, да умы бархатные^[14], — но видно также, что и коменданты не сидят сложа руки и от них не ускользают даже такие пройдохи, как эмиссары Игнашки Некрасова^[15], отдавшего под протекцию крымского хана с своей двуперстно крестящейся дружиной и засевшего с ней на нижней Кубани. Эта беглая донская колония не прекращала своих сношений с метрополией, где находила особенное к себе сочувствие в раскольниках — «богородцах». Нуждаясь для выполнения своих служебных обязательств пред ханом в новых подкреплениях, она отряжала от себя искусных вербовщиков — «ловцы человек», которые

//Л. 7.

прибывали на Дон осенью, когда народ, поуправившись с полевыми работами, сидел праздно на завалинках; тут распускали они балясы про Кубань, реку великую, что «вечно с кровью течет», набирали в продолжение зимы охотников и весной уходили с ними в «кубанские городки». Следственное дело 1727 года, производившееся в «транжаментской» канцелярии над двумя такими проходимцами, несколько освещает этот темный эпизод первой оседлости русских людей на Западном Кавказе. Из других дел видно, что войсковые власти, когда уже надоест им отписываться, склоняют «транжаментскую» канцелярию избрать более удобный способ объяснений посредством живого слова и для того просят дозволения, вместо письменного ответа, прислать своего войскового есаула, — он де вам лучше расскажет, чем мы напишем, да и извернутся языком способней, чем пером.

Однако же подобные заметки завели бы меня слишком далеко, перейду к делам другого рода. Есть дела по духовным завещаниям военнослужащих, показывающие, что в нашей армии, в ближайшее к Великому Устроителю^[16] ее время, существовал хороший обычай: перед походом писать, кто как умел и на какой угодно

//Л. 7об.

бумаге, духовные завещания, которые утверждались или свидетельствовались начальником части, и это утверждение сообщало им актуальную юридическую силу. Есть дела о присягах на подданство и других, с любопытными особенностями в присяжных листах; дела о паспортах, курьерах, бродягах, дезертирах, укрывателях, колодниках, сектантах и тех отчаянных людях, которые сказали «слово и дело»^[17]...

---

¹ Так в тексте.

Есть там все элементы русской жизни. Встречаются, конечно, и дела полемического содержания – без чего наши канцелярии не бывают и даже в доброе старое время не бывали.

Наконец, о всех старейших комендантских делах сказать следует, что коллегиальные оковы отягощали даже простую военную переписку: по всякой вступившей бумаге, по-видимому, обыкновенного распорядительного типа, непременно составлялась «аппробация», то есть протокол или план ее исполнения, и документ этот подписывался несколькими офицерами, нередко даже большим их числом. Подписи уморительные, и проглядывающая в них неумелость показывает, что коллегиальность эта могла быть одним только поклонением представленной форме и ничем больше.

//Л. 8.

Но я видел море только с берега. И хотя большая часть того короткого времени, какое мог я уделить на мою летнюю экскурсию, с любовью и увлечением была отдана Ростовскому архиву, однако же не решаюсь сказать, чтобы мой спешный, беглый обзор обнимал все его содержание. Далеко нет. Для такого трудного дела нужны не две-три недели, а многие месяцы и даже большие сроки. Быстро прочитывать рукописи отдаленных годов прошлого столетия, даже при навывке, – дело невозможное. Люди степенные и высокопоставленные, в то доброе старое время, не во гнев будет им сказано, писали каракулями, добродушно ставили *des pieds de mouches*^[18], а бойкие и развязные писцы или борзописцы, чтоб поднять себя в глазах неучей на высоту недосыгаемую, уж чересчур любили фантазировать в разных мудреных сокращениях, вязях, титлах, крючках и закорючках и во всевозможных искажениях скорописного алфавита, доходящих нередко до фараоновских иероглифов¹. Время тоже свое дело сделало над

//Л. 8об.

цветом чернил и бумаги, а человеческий орган зрения скорее всякого другого устает от напряжения и непременно требует отдыха, иначе не надолго его станет. Я совершенно извиняю г-на надворного советника Иванова (в котором видел примерного труженика), что он не мог двинуться дальше 1799 года, за что и следует, по крайнему моему разумению, сказать ему большое спасибо.

Кстати, упомяну здесь и о другом затруднении, с которым приходилось ему бороться. В вышеприведенном рапорте его за № 4, между прочим, значится: «Такая работа составила труд крайне затруднительный и особенно вредный для здоровья: на делах и в делах оказалось столько пыли и грязи, что приходилось нередко оставлять

---

¹ Как образчик подобной каллиграфии, не уступающей в вычурности и причудливости тяжелому готическому письму, прилагаю при этом с дешифрованным переложением две пустые по своему содержанию и мне не нужные бумажки 1726 года: Доношение, вступившее в транжаментскую канцелярию, и Апробацию, по оному состоявшуюся. Должен пояснить, что рукопись эта из числа самых разборчивых (примеч. автора).

работу, чтобы пыль вышла в двери и улеглась». Признаюсь, и мне отчасти приходилось считаться с тем же затруднением, но я уж к этому привык и держусь на этот счет мудрого изречения древнего греческого философа, нужды нет, что он принадлежал к школе циников: кто решился ловить рыбу, тот не должен бояться обмокнуть. Да притом же, если для патриота и дым отечества сладок — *et fumus patriae dulcis*¹, то почему же и архивной пыли, вошедшей в пословицу, не иметь того же качества для археографа?... Итак, не останавливаясь

//Л. 9.

особенно на этих привходящих обстоятельствах и полагая, что одной уже выше набросанной, хотя и далеко не полной, характеристики Ростовского военного архива достаточно, чтобы не считать его кучей ветоши, не стоящей внимания, позволяю себе высказать о нем следующее мое заключение.

В состоявшем в военном, и специально артиллерийском, ведомстве Ростовском складе старых дел, для краткости именуемом мною архивом, находится в настоящее время свыше 1500 дел, хронологически восходящих до двадцатых годов прошлого столетия и бесспорно пригодных для историографического дела. В составе их менее всего дел, касающихся артиллерийской части, а между тем они состоят в артиллерийском ведомстве, и при том не нашего^[19], а Одесского округа. С какой стати?

Не было примера, как положительно свидетельствует делопроизводитель канцелярии Ростовского склада орудий и снарядов, надворный советник Иванов, чтобы из этих дел требовались откуда бы то ни было и какие бы то ни было справки. Следовательно, дела эти никакому ведомству в Одесском военном округе, а тем более артиллерийскому, не нужны. Мало того, судя по отсутствию всякой о них отчетности и неестественному, можно сказать, вторжению их в пороховой парк, что и показывает безусловно непристроенное

//Л. 9об.

их положение, они составляют для Одесского округа лишнее и бесполезное бремя.

А как, с другой стороны, они составляют письменные памятники или документы передовых укрепленных позиций, бывших в прошлом столетии представителями нашего движения на Кавказ и передавших впоследствии свою роль новым опорным пунктам, последовательно и преемственно возникающим уже в глубинах Кавказского края, то и должны, естественно, принадлежать Кавказскому, а не Одесскому военному округу, что особенно доказывается тем, что между ними, как выше замечено, встречаются дела кавказских укреплений и других военных учреждений.

---

¹ «И дым Отечества сладок» (лат.).

Говоря по совести, нам нельзя не дорожить этим прямым нашим наследством и не желать оттягать его из чужих рук, потому что наши местные архивы не могут почти предложить исторического материала за первую половину прошлого столетия, а потому и всякий лоскут бумаги из той эпохи дорог. Ростовский же склад значительно восполнил бы это неимущество. Какой русский человек может забыть, что в недавнее время, которым мы справедливо можем гордиться, среди многолюдных торжественных собраний, с высоты ораторской трибуны раздавался

//Л. 10.

голос, укорявший нас в том, что мы не имеем истории?¹ Что это значит? Ужели народ, не лежавший на боку, а работавший, действовавший, выносивший тяжкие борьбы и раздвигавший пределы своей родины от моря до моря, обращавший варварские степи в гражданские страны, решавший судьбы других народов, stopтавший свирепое, кровожадное, торгующее человеческой свободой и личностью мусульманство и рассекавший гордые узлы мечом политической и военной мощи, уже ли такой народ может не иметь истории? Нет, это значит, что мы не умели сберечь памятников, служащих для истории, зиждущих историю, и считали пыль и грязь архивов вредною для здоровья. На кладбища ходили поминать родителей, а другие, столь же священные кладбища, где не прах, а мысль предков почил, бросали в забвении и пренебрежении...

Итак, для пользы кавказской историографии вообще и для изображения первого периода колонизации Северного Кавказа в особенности, что при серьезном отношении к делу представляет громадные затруднения, следует Ростовский архивный склад перебросить в Ставрополь и поместить

//Л. 10об.

его в здешнем центральном военном архиве, которому он будет служить лучшим украшением и где пользование этим мертвым теперь капиталом будет вполне доступно для любознательных изыскателей, от них же, если не первый, то, по крайней мере, ближайший есмь аз².

Во всем архивном складе достославной памяти Ростовской крепости будет весу от 250 до 300 пудов. Ростово-Владикавказская чугунка много бы удешевила перевозку, а чтоб забрать в порядке и бережно доставить по указанному назначению эти бранные останки прошловековой служебной жизни и деятельности, я сам охотно съездил бы в Ростов и лично похлопотал бы по этому близкому моему сердцу делу, не жалея даже и собственных издержек.

---

¹ Спасович в своей красноречивой защите по Нечаевскому делу (*примеч. автора*).

Спасович Владимир Данилович (1829–1906) — один из первых российских адвокатов, принимал участие в судебных заседаниях по делу об убийстве, совершенном в 1869 г. революционным кружком «Народная расправа».

² Так в тексте.

Сочту себя счастливым, если изложенное здесь заключение мое будет повергнуто на милостивое и покровительственное воззрение его высочества главнокомандующего армией ^[20]...

Собственноручная подпись генерал-майора Попко.

8 ноября 1875 г., Ставрополь.

ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 31. Л. 1–10об. Подлинник. Рукописный текст.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] Кавказская линия – система укреплений по северную сторону от Главного Кавказского хребта, постепенно возводимая по мере утверждения российского присутствия в регионе в течение XVIII–первой половины XIX в.
- [2] Крепость Св. Дмитрия Ростовского была заложена в 1761 г. на правом берегу р. Дон для защиты прилегавшей к Азовскому морю южной границы России и выполняла важную роль в обеспечении сообщения центральных губерний России и Кавказской линией. В 1835 г. крепость упразднили.
- [3] Автор имеет в виду территории современных ему Ставропольской губернии, Кубанской и Терской областей.
- [4] Свистунов Александр Павлович (1830–1919) – военный деятель, с 1867 г. начальник штаба Кавказского военного округа и ближайший помощник главнокомандующего Кавказской армией великого князя Михаила Николаевича, в 1874 г. поддержал инициативу И.Д. Попко подготовить историю казачества на Северном Кавказе. В 1875 г. был назначен начальником Терской области и наказным атаманом Терского казачьего войска.
- [5] В 1875 г.
- [6] Ригельман Александр Иванович (1720–1789) – военный инженер, руководил строительными работами по возведению укреплений на юге Российской империи в 1760–1770-х гг., в том числе крепости Св. Дмитрия Ростовского; известен также как автор сочинений по ранней истории казачества.
- [7] Фараоновы тощие коровы – выражение возникло из Библии, где рассказано, что однажды египетский фараон увидел во сне, как семь тощих коров съели семь тучных, но от этого ничуть не потолстели (Бытие, 41, 1–4).
- [8] Ренсковый погреб – в Российской империи магазин, торгующий алкогольными напитками навынос.
- [9] В 1873 г., по инициативе архивного деятеля Н.В. Калачева, при Министерстве народного просвещения была образована временная комиссия, одной из задач которой стало обследование путем специальной анкеты архивов, принадлежащих различным ведомствам.
- [10] Транжамент – военное укрепление времен Петра I.
- [11] Их имена одному Богу известны.

- [12] Провиантский магазин – разновидность общественных казенных сооружений в Российской империи, предназначенных для хранения продовольственных припасов для армии.
- [13] Дамоклов меч – устойчивое словосочетание, означающее нависшую над кем-либо опасность.
- [14] Старинная поговорка донских казаков, означающая: мы не богатые, но умные.
- [15] Некрасов Игнат Федорович (ок. 1660–1737) – атаман донских казаков, один из ближайших сподвижников Кондрата Булавина. После подавления Булавинского восстания ушел с преданными ему казаками на Кубань под покровительство крымского хана.
- [16] Автор имеет в виду Петра I как создателя регулярной армии в России.
- [17] «Слово и дело» – фраза, которую в XVII–XVIII в. произносили люди, желавшие дать показания о государственном преступлении, в том числе о словесном оскорблении государя и неодобрительных словах в его адрес.
- [18] Pied-de-mouche (фр.) – символ для обозначения окончания абзаца.
- [19] Автор имеет в виду Кавказский военный округ.
- [20] Автор имеет в виду великого князя Михаила Николаевича (1832–1909). Последний сын императора Николая I, военный и государственный деятель, кавказский наместник с 1862 по 1881 гг., он развивал идею сохранения памяти о военном прошлом Кавказа, для чего поддерживал проекты по разбору и публикации архивных документов, подготовке полковых историй кавказских частей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 377. Оп. 1. Д. 10.

ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 28.

ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 31.

«Небрежное отношение к архивам – признак невысокого умственного уровня общества». Записка подпоручика И.О. Шантыра об архиве военного ведомства в городе Ставрополе (1875 г.). Публ. Н.В. Ушаковой // *Отечественные архивы*. 2003. № 2. С. 59–86.

Колосовская Т.А., Ткаченко Д.С. Военные кавказоведы Российской империи: библиографический словарь. Ставрополь: Изд-во «Дизайн-студия Б», 2021. 334 с.

Попко И.Д. Терские казаки с стародавних времен: исторический очерк. Вып. 1. Гребенское войско. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1880. 517 с.

Стефанов А.Т. Архив крепости Св. Димитрия Ростовского и его судьба // *Донской временник. Год 2011-й*. Вып. 19. Ростов-на-Дону: Донская государственная публичная библиотека, 2010. С. 101–105.

Хорхордина Т.И. Российская наука об архивах: история, теория, люди. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2003. 525 с.

REFERENCES

State Archive of the Stavropol Krai (GASK). F. 377. Inv. 1. D. 10.

GASK. F. 377. Inv. 1. D. 28.

GASK. F. 377. Inv. 1. D. 31.

“Nebrezhnoe otnoshenie k arkhivam – priznak nevysokogo umstvennogo urovnya obshchestva”. Zapiska podporuchika I.O. Shantyra ob arkhive voennogo vedomstva v gorode Stavropole (1875 g.) [“A careless attitude towards archives is a sign of a low mental level of society”. Note from Second Lieutenant I.O. Shantyr about the archive of the military department in the city of Stavropol (1875)]. Publ. N.V. Ushakovoi, in *Otechestvennye arkhivy*. 2003. No. 2. Pp. 59–86 (in Russian).

Kolosovskaya T.A., Tkachenko D.S. *Voennye kavkazovedy Rossiiskoi imperii: biobibliograficheskii slovar'* [Military Caucasus experts of the Russian Empire: biobibliographic dictionary]. Stavropol: Izd-vo “Dizain-studiya B”, 2021. 334 p. (in Russian).

Popko, I.D. *Terskie kazaki s starodavnikh vremen: istoricheskii ocherk. Vyp. 1. Grebenskoe voisko* [Terek Cossacks from ancient times: a historical sketch. Vol. 1. Grebensky army]. Sankt-Peterburg: Departamenta udelov Publ, 1880. 517 p. (in Russian).

Stefanov A.T. Arkhiv kreposti Sv. Dimitriya Rostovskogo i ego sud'ba [Archive of the fortress of St. Demetrius of Rostov and its fate], in *Donskoi vremennik. God 2011*. Vol. 19. Rostov-na-Donu: Don. gos. publ. b-ka, 2010. Pp. 101–105 (in Russian).

Khorkhordina T.I. *Rossiiskaya nauka ob arkhivakh: istoriya, teoriya, lyudi* [Russian science of archives: history, theory, people]. Moscow: Russian State Humanitarian University, 2003. 525 p. (in Russian).

Статья принята к публикации 21.01.2024